

Цзюнь Улэй явно почувствовал, как человек на его спине вздрогнул, его дыхание стало прерывистым. Хуа Фэйбай сдержался, но наконец выдал из себя слова, прерывая его пение:

— Твои нарисованные куропатки тоже ужасны, хвосты слишком длинные.

Его шаги сразу стали неуверенными, и он смутился:

— Эти божественные птицы, рождённые небом и землёй, имеют великолепные хвосты, я даже думал, что краски недостаточно яркие!

Он всю ночь не спал, рисуя на фонариках шестьдесят шесть разных, милых и забавных божественных птиц, и был очень горд своей работой. Услышав, что Хуа Фэйбай назвал их лысыми и облезлыми куропатками, он, несмотря на свою толстокожесть, почувствовал неловкость и завопил своим ломким подростковым голосом в знак протеста.

У этих божественных птиц было красивое и романтическое имя — «Пленяющий мир». В мире людей говорили, что бог брака заставляет этих птиц держать в клюве красную нить, чтобы связывать сердца влюблённых. Мужчины и женщины часто использовали эту легенду, чтобы выразить свои чувства, поэтому у них было ещё одно имя — птицы судьбы.

Хуа Фэйбай скривил губы, словно не желая вспоминать, закрыл глаза и устроился поудобнее на его плече:

— Не трать свои силы на меня, лучше займись совершенствованием своей духовной силы. Ты запомнил то, что я тебе недавно объяснял?

— Да, уже выучил.

Цзюнь Улэй ответил, крепко держа его и продолжая идти:

— Что ты сегодня опять вытворял, выпил так много вина? Ты знаешь, что твоё тело не такое крепкое, как у меня, ты словно бумажный, не выдержишь такого. Вино из персиковых цветов хоть и не сильно пьянит, но холодное вино всё равно вредно, не стоит пить слишком много.

Он подождал, но не получил ответа, решив, что Хуа Фэйбай снова заснул, и немного приподнял его.

— ...Цветы прекрасны, как облака над морем, любимый на плече, идём вместе до седин.

Хуа Фэйбай прошептал ему на ухо:

— Улэй, тебе нравится это стихотворение?

Цзюнь Улэй не совсем понял, но всё же кивнул. Всё, что говорил Афэй, было для него золотыми словами!

— Хм, он тоже так меня когда-то успокаивал.

Лёгкий шёпот унёсся в небо, Цзюнь Улэй не расслышал его, только тихий вздох, разбившийся на ветру.

Лунный свет склонился, ночь сгущалась.

— Опустим меня.

Голос Хуа Фэйбая был тихим, Цзюнь Улэй осторожно поставил его перед небольшим изящным домом.

Хуа Фэйбай сделал несколько шагов, но пошатнулся, и Цзюнь Улэй, испугавшись, быстро подхватил его.

— Ноги немного онемели, ничего страшного.

Хуа Фэйбай оперся на его плечо, видя его беспокойство, слегка улыбнулся.

Они стояли слишком близко, длинные ресницы Хуа Фэйбая касались его щеки, вызывая лёгкое покалывание. Его глаза, наполненные запахом вина, были туманными и соблазнительными, словно тысячи персиковых цветов вдруг расцвели перед Цзюнь Улэем.

Находясь так близко к любимому человеку, Цзюнь Улэй покраснел, сердце его колотилось, в ушах звенело.

Хуа Фэйбай наклонился, пальцы коснулись его щеки, и он нежно поцеловал его в губы, слегка облизнув их после:

— Так сладко... даже слаще, чем вино из персиковых цветов в «Пьяной луне».

Цзюнь Улэй замер, инстинктивно обняв Хуа Фэйбая за талию, словно дыхание его остановилось.

— Не буду тебя дразнить, Железное Яйцо, должно быть, голодное, мне нужно его покормить, иди отдыхать.

Хуа Фэйбай оттолкнул его, слегка отвернувшись, его голос уже не был таким мягким, став холодным.

Он подошёл к большому каменному насесту во дворе, достал из кармана свёрток и оторвал два куска вяленого мяса, чтобы накормить большую птицу, которая радостно захлопала крыльями.

Во дворе стоял огромный железный насест, на котором сидела большая, с длинным красивым хвостом, ну... круглоголовая и хитроватая куропатка — «Железное Яйцо». Много лет Хуа Фэйбай заботился о ней, и, казалось, был к ней особенно привязан, почти как к сыну, что иногда вызывало у Цзюнь Улэя ревность.

Цзюнь Улэй стоял во дворе, смотря на спину Хуа Фэйбая, в сердце его промелькнула тень разочарования и грусти. Он не знал, уходить или оставаться, чувствуя себя немного растерянным.

Каждый раз, когда их отношения немного продвигались вперёд, Хуа Фэйбай останавливался, словно не желая идти дальше, что смущало и огорчало Цзюнь Улэя. Но он не сдавался, чувствуя, что Хуа Фэйбай не совсем равнодушен к нему, и продолжал бороться. Его сто восемьдесят шесть попыток признания сделали его знаменитым в Царстве духов как «мастера признаний», без всяких сомнений.

Пока Цзюнь Улэй стоял в задумчивости, из кустов выскочил огненно-рыжий комок шерсти, мягко ступая по земле, он приблизился к ним. Он положил мёртвого «маленького кабана» перед Хуа Фэйбаем, подняв мордочку, его янтарные глаза сверкали, как стекло, излучая лёгкий золотой свет.

Хуа Фэйбай нахмурился, взглянув на кабана, который был вдвое больше самого зверька, затем перевёл взгляд на раны, оставшиеся после схватки. Это существо, похожее на кабана, было редким духовным существом с гор Уюнь, его кровь обладала чудодейственными свойствами — согревала и защищала от ядов.

— Что ты делаешь? Ты забыл, что ты — Духовная лиса девяти небес, и ведёшь себя как дикая кошка, охотясь на неразумных зверей? Иди и продолжай совершенствоваться, чтобы поскорее обрести человеческий облик.

Хуа Фэйбай не смотрел на зверька, повернулся и направился к своему дому, сделав несколько шагов, он остановился.

— Улэй, уже поздно, я устал, иди домой.

Сказав это, он больше не задерживался, его фигура исчезла за полуоткрытой дверью, и вскоре свет в доме погас.

Цзюнь Улэй посмотрел на дом и вышел из двора.

Полночь.

Маленькая лиса не ушла далеко, она бродила у дома в течение времени, которое можно было измерить двумя-тремя палочками благовоний, затем, немного поколебавшись, проскользнула в полуоткрытую дверь. В темноте она быстро нашла кровать, на которой лежал мужчина.

Он всё ещё спал, его ресницы, словно лепестки на бумаге, а маленькая красная слезинка под глазом, как капля крови, светилась в лунном свете.

Лиса быстро подошла к нему, легко запрыгнула на кровать и, глядя на его прекрасное лицо, в её янтарных глазах промелькнула тень грусти. Она лизнула его пальцы, свернулась клубком перед ним и прижалась к нему, чтобы согреть, положив свою маленькую круглую голову на его руку, и медленно закрыла глаза.

Чувствуя тепло в животе, Хуа Фэйбай в своих снах расслабился, и ледяной холод внутри него стал менее мучительным, и он наконец крепко уснул.

Ночь прошла без снов.

* * *

Бам!

Цзюнь Улэй проснулся от пинка! Он ударился о каменную статую священного зверя у входа в храм, спина болела так, что он едва мог подняться.

— Ты, урод, совсем с ума сошёл?! То ты рисуешь огромные иероглифы перед Дворцом позолоченного феникса, то вешаешь баннеры на тысячелетнем железном дереве перед Храмом пурпурных облаков и кричишь лозунги, а в прошлом году, на день рождения господина, ты устроил этот ужасный музыкальный спектакль, который был просто отвратительным, вызывая тошноту!

Его с силой пнули ещё несколько раз, последний удар был настолько сильным, что он перевернулся два раза, прежде чем остановиться.

— А теперь ты ещё осмелился запустить эти глупые фонарики на Утёсе погони за звёздами, ты совсем с ума сошёл!

Прежде чем он смог опомниться, его правую руку уже прижали ногой к земле, острые камни впивались в кожу. Цзюнь Улэй застонал, его лицо исказилось от боли.

<http://bllate.org/book/15278/1348681>